

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**



В компании с ироническими детективами
ЕЛЕНЫ ЛОГУНОВОЙ
всегда весело!

Джип из тыквы
Закон вселенской подлости
Синяя курица счастья

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены
и ее боевой подруги Ирки,
способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже	Кукиш с икоркой
Везет как рыжей!	Брак со стихийным бедствием
Конкурс киллеров	Любовные игры по Интернету
Кляча в белых тапочках	Стрела гламура
Секретная миссия Пиковой дамы	Афродита размера XXL
Звезда курятника	Шопинг с Санта-Клаусом
Снегурка быстрой заморозки	Последний путь под венец
Коктейль из развесистой клюквы	Наследница Шахерезады
Красота спасет мыр	Боты для ночного эльфа
Гарем «Все включено»	

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца	На сеновал с Зевсом
Дефиле озорных толстух	Рука и сердце Кинг-Конга
Шоу секс-символов	Декамерон по-русски
Молилась ли ты на ночь?	Ванна с шампанским
Банда ответных дизайнеров	Кактус Нострадамуса
Статуя сексуальной свободы	Свидание на пороховой бочке
Спокойно, Маша, я Дубровский!	Шерше ля фарш
Руссо туристо, облик морале	Собаچه танго
	Принцесса без башни

**Непринужденно и весело
решайте детективные головоломки вместе
с Тяпой Ивановой:**

Хижина тети Томи	Напиток мексиканских богов
Круговорот парней в природе	12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки
с отважной учительницей Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню	В костюме голой королевы
Бонд, мисс Бонд!	Цыганочка без выхода

**Хочите над уморительными приключениями
Алисы Пеструхиной:**

Купидон с жареным луком
Мухи творчества

**Люся Суворова и ее верный адъютант Петрик
сражаются со скукой и несправедливостью:**

Брачный вопрос ребром
Семь футов под килькой
Любовь и птеродактили

Елена Логунова

Любовь
и птеродактили



Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на обложке *В. Остапенко*

Редактор серии *А. Антонова*

Логонова, Елена Ивановна.

Л69 Любовь и птеродактили / Елена Логонова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-162141-4

Люся Суворова и ее друг Петрик удачно совмещают приятное с полезным: они приезжают в приморский поселок, чтобы провести очередное заседание женского клуба «Дорис», где оба трудятся под руководством Люсиной институтской подруги Доры. Необременительная работа вовсе не мешает отдыху, и все идет неплохо, пока друзья, отправившись на морскую прогулку, не замечают пустующий катер. Оказывается, что его пассажиры пытались погрузиться с аквалангом, но, не умея с ним обращаться, погибли. А позже выяснилось, что это старый знакомый Люси с Петриком — бизнесмен Афанасьев, и они уже не смогли остаться в стороне. Ведь есть серьезные подозрения, что утонуть бизнесмену и его любовнице помогли!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логонова Е.И., 2022

© Оформление.

ISBN 978-5-04-162141-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2022



Вместо пролога

Кире представлялось, будто все люди похожи на те или иные предметы. Даже не внешне, а вообще...

В суть этого она не вникала, но давно уже завела воображаемый шкафчик, где на полках-клеточках, снабженные ярлыками с ФИО, помещались предметы, связанные со знакомыми ей людьми крепче, чем куклы вуду.

Лидочка, соседка по кабинету, была похожа на ярко-розовую пластмассовую пуговицу. Круглую, блестящую, легкую. Дешевую, но полезную и нужную: потеряй-ка такую с любимого ситцевого халатика, придется одежду выбрасывать — не походишь же с дырой на пузе.

А Кондратий, Кондрат Егорович, был точь-в-точь как засохшая кисточка.

Кира прищурилась.

Точнее даже — не кисточка, которая инструмент художника, а пошлый помазок для бритья!



Старый, затвердевший, весь в неаппетитном засохшем месиве. Фу, гадость!

Кира вздохнула и поместила помазок на самую дальнюю полочку своего воображаемого шкафчика. Иначе бесхозная гадость будет замусоривать ландшафт: путаться под ногами, болтаться из угла в угол и даже закатываться в девичьи фантазии, где ей вовсе не место.

— Все поняли, барышни? — настойчиво уточнил противный Кондратий, не подозревающий, что его только что засунули на дальнюю полочку.

Он не мог догадаться, о чем думает Кира, но ее недобрый прищур ему явно не понравился.

— Еще раз повторяю: явка обязательная, форма одежды парадная. А кто будет саботировать мероприятие, тот за это заплатит.

— В смысле? — Кира очнулась, закрыв воображаемый шкафчик.

— Стоимость праздничного банкета в пересчете на персону — три тысячи рублей, — охотно пояснил человек-помазок. — Придешь — молодец, ешь-пей-гуляй за счет компании. Не придешь — бухгалтерия вычтет три косаря из твоей зарплаты.

Кира оглянулась на Лидочку — мол, ты это слышала? И как тебе?!



Пуговичной Лидочке было нормально. Она, не дрогнув, так и таращила на Кондратия круглые голубые глаза, красивые и бессмысленные, как у куклы.

— Вижу, все поняли, — резюмировал Кондратий, вполне удовлетворенный ее реакцией, и наконец удалился, плотно прикрыв за собой дверь их кабинета.

— Фу-у-ух! — Лидочка выдохнула, в ее остекленевшие глаза вернулся живой огонь. — Какой же он противный, наш Кондрат Егорыч!

— Как старый засохший бритвенный помазок, — кивнула Кира.

— Похож! — Лидочка засмеялась, но внимательно посмотрела на нее и стерла с лица улыбку. — Эй, Кирка...

— Ты еще лопаткой меня назови! — огрызнулась Кира.

Себя она ни с какими предметами не ассоциировала.

— Ну, Кирюш... Ты же придешь? Не продинамишь родной коллектив? — не отцепилась Лидочка.

— А смысл?

Кира всегда не особо любила корпоративы, а с таким «родным коллективом», как сейчас, вообще ничего праздновать не хотела. Егорыч, ста-



рый помазок, конечно, это почувствовал, иначе не распинался бы тут битых полчаса.

Ему, наверное, шеф велел любой ценой обеспечить явку на мероприятие женской части коллектива. На Новый-то год, по рассказам, случился афронт: все дамы, как сговорившись, на корпоратив не явились, и вместо буйной гулянки, которой жаждала просторная душа шефа, у офисных мужиков получилась тихая скучная пьянка. Говорят, они весь вечер сидели, уткнувшись в свои гаджеты. Бедняга шеф от нечего делать тоже полез в свой смартфон, пошел кутить на криптобиржу да и спустил там жирненький кусочек биткойна, который сразу после праздников попер в рост, как японский бамбук. Ясное дело, повторения той печальной истории шефу не хотелось.

— Какой смысл? — повторила Лидочка, снова вытаращив стеклянные пуговичные глаза. Подумав немного, она растопырила пятерню и стала показательно загибать розовые пальчики с дешевыми колечками. — Во-первых, вкусно поешь и выпьешь за счет конторы. Во-вторых, купишь себе по такому поводу красивое новое платье. В-третьих, получишь кучу комплиментов. В-четвертых, будут конкурсы с призами, обещали — с хорошими.



— А в-пятых?

Четыре приведенных аргумента Киру не убедили.

— В-пятых...

Лидочка посмотрела на свой кулак — четыре пальца загнуты, один большой торчит — и перевернула его вниз, как кровожадный зритель на гладиаторских боях:

— А в-пятых, ты добьешь Филимонова!

Кира закатила глаза.

Вася Филимонов был офисным системщиком. Кира не сомневалась, что при полном параде сразит его наповал, но он вовсе не нужен был ей ни поваленным, ни даже слегка покосившимся, и уж тем более — коленопреклоненным. Ее вполне устраивал системщик в меру заинтересованный, робко флиртующий — услужливый. В компании, где восемьдесят процентов персонала — мужчины и каждый второй из них компьютерный гений, девушке с дипломом филолога живется и работается непросто. Хотя платят тут хорошо.

Кира до сих пор не могла понять, как ее занесло в такое странное место. Все ее однокурсницы — парней на филфаке не было от слова «совсем» — теперь работали либо в СМИ, либо в пиар-отделах банков, операторов сотовой связи, компаний-застройщиков, а особо невезучие



преподавали литературу и русский язык деткам в школе. Кира же как-то угодила в «Супертокен».

Толком объяснить, чем занимается их контора, она не смогла даже папе с мамой. Начала было рассказывать про децентрализованные финансы, блокчейн и криптовалюту, но мама стала креститься — свят-свят-свят! — а папа спал с лица и молвил угрюмо:

— Ты только не вкладывайся там ни во что. Знаем мы эти пирамиды...

В свое время папа сильно погорел на «МММ» и пирамид теперь боялся так, что даже на отдых в Египет с ними ехать отказался. Хотя разобитая мама прямо называла папину пирамидофобию «гнилой отмазкой» и даже требовала от Киры помочь ей разоблачить «подлого изменщика» — это папу-то!

Папа у Киры ассоциировался с кубом — простым, увесистым, надежным, крепким, как бетон. Представить эту массивную фигуру «втихую увивающейся за юбками» (формулировка мамы) было невозможно. Пади папуля к чьим-нибудь ногам — не обошлось бы без грохота.

Мамуля у Киры ассоциировалась с шерстяным одеялом, немного колючим, но очень теплым. Согревающим, укрывающим, обволакивающим. Иногда удушающим.



Когда тебе двадцать три, материнская забота бывает очень дискомфортной.

Женька, подружка со школьных времен, виделась Кире кактусом. Маленьким, миленьким, сложенным из пушистых на вид шариков мал мала меньше — вроде снеговика, только зеленого цвета. Кактус Женька был совсем не колкий и поразительно красиво цвел.

Соседка Вера Яковлевна была у Киры бамбуковой палкой. Узловатой, до блеска отполированной. Легонькой, но весьма ощутимой в контакте, особенно если с замахом и оттяжкой...

Митя, бывший сердечный друг, оказавшийся — в терминологии мамы — подлым изменщиком, сначала виделся Кире слегка подтаявшей плиткой горького шоколада, а потом — собачьей, пардон, кашкой. А однокурсница Варька, с которой Митя крутил за Кириной спиной, всегда представлялась ей мятым бумажным стаканчиком.

Кому Кира еще не подобрала никакого аватара, так это шефу, Максиму Петровичу Горетову. Просто не было случая: с ним она пока не встречалась, потому что работала в «Супертокене» только второй месяц, а шеф все это время пребывал где-то далеко.



Продвинутый бизнес не требовал постоянного присутствия руководителя в офисе, и он прекрасно управлял делами дистанционно, преимущественно на значительном расстоянии. В данный момент он, по слухам, находился где-то в Европе, куда по весне метнулся на выходные — пивка попить, но угодил под локдаун и застрял надолго.

Кира подозревала, что эта версия — такая же гнилая отмазка, как папина пирамидофобия: если бы шеф захотел, то смог бы позволить себе убраться из зачумленной Европы спецрейсом. У него для этого было достаточно денег — вернее, битков и эфиров. Только, похоже, особого желания не имелось возвращаться на милую родину вообще и в офис «Супертокена» в частности.

И то сказать, чего он тут не видел?

На следующий день после ультиматума, поставленного им с Лидочкой противным Кондрачем, Кира пришла на работу пораньше — часа за два до установленного начала трудового дня. На вечер у нее были планы, хотелось освободиться досрочно, но при этом не нарушать трудовую дисциплину, а тут же как? Раньше сядешь — раньше выйдешь.

Но попасть в офис в семь утра не получилось. Ночной сторож, который мог бы открыть дверь ранней пташке, то ли безответственно спал, то ли



вообще отсутствовал на месте. Возможно, тоже отпра­сился с работы пораньше?

Кира позвонила, постучала, подергала запер­тую дверь, попинала ее ногой и мрачно огляде­лась. Вокруг не было ни души. То есть люди по улице шли, но не те, от которых можно было ожидать, что они откроют Кире дверь «Суперто­кена».

Потом к крыльцу подкатила шикарная доро­гая машина, из нее вышел парень лет тридца­ти и направился напрямик к Кире. Та глянула и чуть не ослепла: парень был похож на искря­щийся бриллиант, для которого в воображаемом шкафу даже места не имелось — такому сокро­вищу только под стеклом на черном бархате ле­жать.

На типичного представителя коллектива «Су­пертокена» он ничуть не походил. Тот был хил, сутул и блистал не ровными белыми зубами, а ис­ключительно интеллектом. При этом типичный представитель слабо замечал реалии офисной жизни и коммуницировать с миром предпочитал на языке компьютерного кода.

Парень же, орлом взлетевший на высокое крыльцо, был плечист, мускулист, похвально об­щителен и дружелюбен: потеснившуюся Киру он одарил шикарной голливудской улыбкой.



Она смутилась. Улыбчивый незнакомец был хорош и пригож, только одет не к месту, да и не ко времени. На нем красовался в высшей степени неформальный трикотажный костюмчик — гибрид пижамы и летного комбинезона. От пижамы была расцветка — темно-зеленые пальмовые листья на розовом фоне, от формы пилота — нашивки на рукавах и массивная металлическая молния от горла до самых причинных мест, сейчас наполовину расстегнутая и открывающая для восторженного любования выпуклую загорелую грудь.

Кира отвела взгляд. Не то чтобы она была против посмотреть на красивое мужское тело, да еще и бесплатно. Нет, просто противный Кондратий — офис-менеджер по должности, завхоз и красный комиссар по сути — без устали гонял ее за слишком, по его мнению, короткие юбки и тонкие блузки. Хотя Кира с трудом, но все-таки держалась в узких рамках дресс-кода!

Тут ее смущение смысла волна раздражения: ей, значит, с декольте никуда, кроме как на праздничный корпоратив, нельзя, а кому-то можно являться в их офис полураздетым?!

Это было несправедливо и обидно. Кира нахмурилась, но красавчик дружелюбно спросил:

— В «Супертокен»? — и оглядел симпатичную девушку с живым интересом.



— На работу, — буркнула она, смущаясь.

— Серьезно? — Парень изобразил удивление, потянул на себя дверь, обнаружил, что та заперта, повторил все недавние действия Киры — позвонил, постучал, подергал, попинал, — и нарочитое удивление на его лице превратилось в недовольную гримасу.

Он похлопал себя по бедрам, вытянул из бокового кармана ключи от машины и, посмотрев на них с недоумением, будто ожидал вытащить что-то другое, перевел взгляд на Киру:

— Где будем ждать, в моей машине или...

— Вот там есть горячий кофе и свежая выпечка, — быстро сказала Кира, кивком указав на круглосуточный супермаркет неподалеку.

Садиться в шикарную машину с роскошным красавчиком она не рискнула.

— Кофе — это хорошо, — согласился парень и легко сбежал с крыльца, на ходу с насмешливой улыбкой оглянувшись на робеющую Киру: — Ты как, со мной или тут покукуешь?

— С тобой, — прошептала Кира одними губами, а ее ноги уже сами перебирали ступеньки крыльца.

Не верьте, что нельзя влюбиться с первого взгляда. Что там соседний супермаркет? Кира сразу почувствовала, что готова идти за этим парнем хоть на край земли.



Пятница-развратница

— Я готова была идти за ним на край земли, и вот я здесь, а он где? — прохныкала девица и хлюпнула то ли носом, то ли коктейлем.

Я на нее не смотрела, но за слова уцепилась:

— Хочешь сказать, что тут край земли?

— Ну, дальше-то море, — резонно ответила девица.

Как там ее? Вера, Ира? Я не запомнила имя нашей случайной собутыльницы.

— Нет в жизни счастья! — мрачно резюмировала Доронина и выпила свой мохито залпом и с таким лицом, будто это был кубок с ядом.

— Тс-с-с! — одернула я ее и торопливо огляделась — не слышал ли кто. — Хочешь испортить налаженный бизнес?

Дора Доронина — основатель и председатель клуба «Дорис», название которого расшифровывается как «ДОставка Радости И Счастья». Ей кричать, что таковых не существует, — все равно что рубить сук, на котором мы сидим.

Мы — это я, пиарщик клуба и правая рука Доры, Петрик — дизайнер и имиджмейкер, Эмма (он же Витя) — мальчик на побегушках и актер второго плана, а также наш новый водитель Артем.



— Ох, сказала бы я тебе, чего хочу... — Доронина требовательно пощелкала пальцами, и бармен Никита сноровисто смешал ей еще один коктейль.

Четвертый, кажется. Или пятый? Я не следила за Дорой — было зрелище поинтереснее.

— Да знаю, знаю. — Я успокаивающе похлопала подругу-начальницу по плечу. — Не переживай так, будет еще праздник и на твоей улице. А завидовать нехорошо. Давай лучше порадуемся за нашего дарлингга.

Собственно, дарлинггом я и любовалась, пока Доронина размеренно накидывалась коктейлями, а незнакомая девица опрокидывала рюмашки в ритме собственной грустной песни о несчастной любви.

Дарлинг наш, ослепительно прекрасный в серебряных плавках и небесно-голубой шелковой бандане на золотых кудрях, возлежал в шезлонге, вокруг которого без усталости кружил красавец-брюнет. Он натирал нашего дарлингга солнцезащитным кремом, поил водичкой, кормил клубничкой, обмахивал веером, разминал ему плечи — разве что пятки не чесал. Хотя, может, просто я в этот момент отвернулась.

Смотреть на эту сладкую парочку неотрывно и не впасть в грех лютой зависти было совершен-



но невозможно. И это мне, у которой есть Караваев, тоже всегда готовый и накормить, и напоить, и почесать, и размять, вообще распусть руки и не только их. А каково такое видеть Дорониной — одинокой женщине в самом расцвете сил?

— Уволю я этого дарлинга, — злобно проворчала Дора. — Все равно для бизнеса он такой бесполезен и даже вреден.

А вот тут она была совершенно права. Пиарщик во мне подобрался и напрягся.

На аудиторию клубных дам Петрик у нас спозиционирован как персональный дарлинг Фредеры Михалны — прекрасный принц-консорт нормальной ориентации.

Где я ей срочно и не дорого нового дарлинга найду — красивого, умного, с тонким вкусом и превосходным гардеробом на все случаи жизни? Не-ет, надо Петрика возвращать в лоно традиционной семьи.

— Сейчас все исправим, — пообещала я и осторожно слезла с высокого барного табурета.

Пол, выложенный теплой терракотовой плиткой, почему-то покачивался, будто палуба корабля. Хм, а я-то сколько коктейликов употребила? Два, три или?..



— Так, мальчики-зайчики! — Приблизившись к Петрику с его верным паладином по изящной волнообразной кривой, я решительно оттеснила брүнета от шезлонга. — Вы увлеклись и рискуете поломать нам рабочий сценарий. Ее Величество Феодора Единственная изволят гневаться и грозят страшной карой.

— Лишением премии? — нервно трепыхнулся чувствительный к любым лишениям Петрик.

— Хуже: увольнением! — припугнула я.

— Все, Артурчик, все! Потехе час, а делу время. — Дарлинг завозился, встал с шезлонга, покачнулся, игривым шлепком отбросил протянутую брүнетом руку помощи и цепко обнял меня за талию. — Пойдем, моя бусинка крепостная, успокоим нашу ревнивую барыню.

— Ты что тут пил? — попрекнула я друга, оценив, сколь он неустойчив: не морально — это как раз не новость, — а физически. — Я думала, Артур тебе водичку носит, а это никак водочка была?! На пляже, на жаре? Фу, как вульгарно, не ожидала такого от вас!

— Помилуйте, Генералюссимус, какая водочка? Слабоалкогольный витаминный коктейлик на швепсе! — обиделся брүнет.

— Ав... Ав... — подтявкнул Петрик.



— Напился, как собака! — досадливо констатировала я.

— Ав-авторский коктейлик-ик! — договорил дружище и накренился, но, к счастью, в нужную сторону — к пляжному бару, откуда на нас, презрительно щурясь и гневно раздувая ноздри, взирала Доронина.

Высокая и крепкая барная стойка удержала нас с дарлингом от окончательного падения в бездну порока. Ой, оговорила — порога. Он вдруг высоковат оказался.

— Никита, организуй пропойцам похмелин, — вздохнув, попросила Доронина.

— Я сам, я сам! — подоспевший Артур бесцеремонно оттеснил бармена и зазвенел стеклом, готовя целебное снадобье.

Артур Покровский — известный в нашем городе шеф-повар и ресторатор, владелец ряда весьма успешных и респектабельных кормушек и поилок. Недавно, воодушевленный приятными переменами в личной жизни, он решился шире расправить крылья — то есть раскинуть сеть своих заведений — и открыл пару точек в курортных местах у моря. А теперь, можно сказать, приехал с инспекторской проверкой, прихватив и главный катализатор своих счастливых перемен — Петрика.



Тот потащил с собой лучшую подругу — это я, позвольте представиться: Люся Суворова по прозвищу Генералюссимус. За мной, конечно, увязался мой ревнивый и подозрительный сердечный друг Караваев.

А будучи без пяти минут супружеской парой, мы с ним, разумеется, не могли оставить в жарком душном городе ребенка и вывезли на море моего младшего (двадцать три годика) братца Эмму.

Доронина же, вредина и эксплуататорша, никак не хотела давать нам с Петриком отпуск, поэтому мы с дарлингом хитро придумали провести очередное заседание клуба «Дорис» на выезде и отправились как бы в командировку. В компании самой Доры, конечно (какое же мероприятие без нее!), которую привез водитель Артем.

В итоге по принципу «дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку и т. д.» в уютном частном отеле у моря собралась вся честная компания, чему был особенно не рад Караваев. Мой милый настроился на романтический тет-а-тет, а оказался в гуще цыганского табора.

— Что, и мне? — Получив стакан, я хотела обидеться, что меня тоже записали в пропойцы, но Дора скомандовала:



— Все пьют до дна! — И подала пример, с гусарским шиком опрокинув в себя приготовленное Артуром пойло.

Уфффф...

— Ав... — вякнул было Петрик и задохнулся.

— Авторское что-то, — сиплым шепотом согласилась я, энергично обмахнувшись ладошкой. — Из чего это сделано? Ацетон, нашатырь, соляная кислота, свежая бобровая струя? Не все ингредиенты мне знакомы, но бодрит ого-го как!

— Ав-фигеть как! — договорил Петрик, задорно стукнув по стойке стаканом.

От Артурчикова похмелина голова мигом прояснилась, в черепной коробке сделалось пусто, просторно и очень свежо, даже зрение приобрело небывалую резкость. Я вдруг разглядела множество мелких несущественных деталей: кружевную паутинку под тростниковой крышей, божью коровку на оплетающем беседку вьюнке, новую подвеску на серебряном браслете Дорониной, татушку на щиколотке незнакомой девицы-плаксы...

— Ой, дарлинг, что я вижу? У тебя биколорный шарм стрекозы Pandora, он же такой редкий, это оригинал? Откуда? — Петрик тоже прозрел и жадно вперился в запястье Дорониной.



— Ну, с возвращением, — одобрила та его интерес. — Узнаю моего дарлинга — неизменно внимательного к деталям ценителя прекрасного... Так, Петрик и Люся! Через полчаса жду вас у себя с докладом о ходе подготовки к нашему мероприятию.

Она вернула Артуру пустой стакан:

— Отличный рецепт, надумаешь запустить в производство — я в доле. — И решительно направилась к бассейну, куда и бухнулась плашмя прямо с бортика, подняв тучу брызг.

— Какой доклад через полчаса, нам еще в душ, потом лосьоном намазаться, на лицо после солнца тонизирующую масочку и с волосами что-то сделать, — несогласно забормотал Петрик, возмущенным взглядом вербуя меня в союзники, но было уже поздно: Доронина бултыхалась в бассейне, игнорируя нас с дарлингом, как величественный кит — несерьезную рыбку мелочь.

— Идем готовиться к докладу, — вздохнула я и потянула друга к белеющему за цветущими деревьями зданию гостиницы.

— Ах, какая прелесть! — в сотый раз восхитился Петрик, мимоходом сорвав пушистый розовый цветок альбиции, она же константинопольская акация или шелковое дерево, и ловко приткнул его под бандану на левом виске. — Ну,



чудо же, правда? — Второй пышный розовый помпон он пристроил на правый висок.

— Правда, — согласилась я, хихикнув. — Так ты похож на миленького гламурного Чебурашку.

— Преследуемого зубастым крокодилом! — Петрик понизил голос, сделал большие глаза и стрельнул взглядом за плечо, явно намекая на Покровского, который поплелся за нами. — Ускоримся!

Хихикая, мы ускорились и, просквозив через садик, с разбегу вломились в прохладный сумрачный холл наших апартаментов.

Надо сказать, что устроились мы в приморском поселке по-царски — в двухэтажном апарте, который так и называется: «Люкс короля». Есть еще «Люкс королевы», почти двойник нашего, с его обитателями у нас общая терраса — такая просторная, что при необходимости может заменить собой вертолетную площадку. Поскольку «Люкс королевы» пока пустует, вся терраса находится в нашем единоличном пользовании.

Вообще-то мы с Петриком предполагали скромно обосноваться в стандартном двухместном номере, потому как Доронина — она весьма прижимиста — не оплатила бы нам более роскошное командировочное жилье. Но Караваев,



понимая, что при таком раскладе на бурную личную жизнь нам с ним рассчитывать не приходится, объединился с Покровским, и эти коварные богатенькие типы вместе сняли королевский люкс, в котором запросто могли бы разместиться две такие компании, как наша.

Роскошно меблированные комнаты на первом этаже достались мне и Петрику, персональные спальни на втором заняли Караваев и Покровский, и даже для братца Эммы нашлась прелестная светелка под самой крышей. Водитель Артем, у которого в курортном местечке имелись престарелые родственники, поселился в частном доме у бабушки с дедушкой, а экономная Доронина сняла для себя одноместный «стандарт» в нашей же гостинице, только в другом корпусе — попроще, без архитектурных изысков. Нам, живущим по-королевски, она откровенно завидует, поэтому не упускает случая вынудить подчиненных покинуть роскошные апартаменты и назначает совещания в своей тесной каморке.

Впрочем, у Дориного жилища есть своя изюминка. Поскольку это самый маленький и дешевый номер в отеле, его единственное окно выходит не на море или горы, как у нас, и даже не во внутренний дворик-патио, а в холл. Думаю, это помещение задумывалось как служебное —



для ночного сторожа, к примеру. Ажиотажный спрос на средства размещения сподобил владельца переделать сторожку в номер-далеко-не-люкс, но вместе со скромным метражом и аскетичным интерьер-дизайном постояльцы получают весьма необычный вид: в холле установлен огромный аквариум с мелкими серебристыми рыбками. Он аккуратно встроен в ту стену, на которую через неширокий проход смотрит окошко каморки, так что ее обитатель при наличии некоторой фантазии может вообразить, будто прямо за его иллюминатором — морские глубины.

Водобоязнь и клаустрофобией наша начальница не страдает, поэтому снующие за окошком кильки ее не нервируют. Даже наоборот, позитивно настраивают на рабочий лад, ведь символ клуба «Дорис» — маленькая голубая рыбка.

— Приплыли наконец, — проворчала Доронина, когда мы с Петриком после душа и сокращенных до минимума уходовых процедур явились к ней на условный ковер. — Размякли, разнежились тут, еле плавниками шевелите!

Длительное созерцание рыбного мельтешения за оконным стеклом определенно сказалось на системе образов и лексиконе нашей начальницы.

— А вы, между прочим, тут в командировке! И вам, между прочим, надо в работу погружаться,



а не в мужском внимании купаться! У вас, мои рыбоньки, между прочим, мероприятие скоро, и очень важное, не чешуевое!

Рыбонька Петрик вскинул плавничок, то есть ручку, как отличник, который просится к доске:

— Дозвольте булькнуть?

— Булькай. — Дора, встретившая нас в позе древнегреческой амфоры — руки в боки, — бухнулась задом на страдальчески заскрипевшую кровать.

— Мы уже определились с запасным местом проведения заседания на случай обещанного синоптиками дождя! — доложил Петрик.

— Надеюсь, не в баре? Вы так сопьетесь, мои рыбоньки.

— Конечно, не в баре, это было бы пошло. — Петрик скривился. — Мы кое-что поинтереснее придумали. Устроимся в холле! — Он кивнул на окно с рыбешками и поспешил объяснить наш гениальный замысел: — Отгородим ту часть, где стеклянная стена-аквариум, зеленой изгородью...

— В смысле, крашеным забором? — нахмурилась Доронина.

— Дарлинг! Я сказал — изгородью! Живой, зеленой, из настоящих деревьев в кадках!

— Ты знаешь, сколько они стоят?



— Нисколько, мы их из нашего люкса принесем, — вмешалась я.

— Поставим по углам прелестные декоративные фонтанчики, — продолжил Петрик, — они очаровательно журчат, в сочетании с аквариумом будет совершенно чудесно...

— И где мы их возьмем, эти фонтанчики?

— Тоже в нашем люксе.

— Да? И что еще мы там возьмем? — Голос завистливой начальницы уже сочился ядом.

— Раковины, — твердо сказала я.

— И унитазы? — не унималась Доронина. — Они у вас там тоже совершенно прелестные?

— Сантехника — высший класс, — не дрогнула я, — но мы тебе про другие раковины говорим. У нас гостиная декорирована в морской тематике, там целая коллекция роскошных раковин, в смысле, ракушек. Мы их возьмем на время, чтобы украсить холл.

— И руль, — добавил Петрик. — Его тоже прихватим. На время. Хотя я и навсегда бы его забрал... Он классный!

Доронина молча посмотрела на меня. В ее глазах прискорбие, вызванное завистью, затаенно мешалось с интересом, обусловленным жадностью. Дора, естественно, уже поняла, что ограбление нашего люкса позволит ей



здорово сэкономить на декорировании места действия.

— Это не просто руль, а настоящий корабельный штурвал, — объяснила я. — Такой, знаешь, круглый, деревянный, со множеством торчащих во все стороны ручек...

— Похожих на маленькие скалки или деревянные толкушки для пюре, — добавил Петрик.

Я подумала, что на его лексикон и систему образов заметно повлияла близкая дружба с поваром и ресторатором.

— Штурвал что, тоже из люкса? — не поверила Доронина.

— С террасы, — ответила я. — У нас там есть детский уголок с площадкой-корабликом.

Мы замолчали и выжидательно уставились на начальницу.

— Ну, предположим, — нарочито неохотно согласилась она. — План Б — гостиничный холл с аквариумом, деревьями, фонтанами и ракушками...

— И рулем, — настойчиво добавил Петрик. — Руль будет вишенкой на торте, это я тебе как дизайнер говорю. Представь, как ты будешь смотреться за ним? Как Колумб!

— Ладно, буду с вишенкой. Но план А — по-прежнему шашлык на диком пляже, я уже



договорилась с местными, нам покажут самые живописные бухточки! На послезавтра ничего не планируйте, в девять ноль-ноль встречаемся в холле у аквариума и едем смотреть локацию. — Доронина успокоенно закрыла глаза и привалилась боком к подушке. — Пока все, к вечеру жду от Люси текст своей речи, а от тебя, дарлинг, эскизы холла для плана Б... Свободны...

Мы с Петриком бесшумно стукнулись в кулачки и поторопились вышмыгнуть из опочивальни нашей строгой барыни.

Мою радость от того, что совещание закончилось на редкость быстро, омрачала лишь необходимость срочно — уже к вечеру! — написать Доре речь, но я понадеялась, что начальница пока что обойдется тезисами, уж их-то я набросаю мигом, мне достаточно тему знать... Ой!

— А на какую тему речь-то? — спохватилась я, сунувшись в окошко Дориной опочивальни.

К счастью, мы с Петриком недалеко убежали.

— На тему секса, конечно же, — ответила Доронина, как будто даже удивившись моему вопросу, и беспокойно заворочалась, скрипя пружинами своего ложа.

— Барыня про секс говорить желают, — поделилась я с Петриком.



— Да не говорить, — усмехнулся мудрый дарлинг. — В том-то и дело... Даже не знаю, может, подыскать нашему Федору Михайловичу кого-то подходящего? Нынче пятница-развратница, а на пляже есть одинокие мужчины, судя по их наружности и экипировке — не особо взыскательные...

— Кого попало брать не будем, — возразила я. — Федор Михалыч у нас еще ого-го!

Дорониной, которую мы называем Федором Михайловичем, как Достоевского, всего-то двадцать семь лет, но в клубе «Дорис» она уже второй год изображает молодежавую бабушку и, пожалуй, излишне вжилась в роль. Так что Петрик где-то прав, рядом с ней органично будет смотреться какой-нибудь отставной настоящий полковник. Хотя Дора предпочла бы кого-то помоложе и погорячее...

— Артема надо спросить! — придумал Петрик. — У него тут корни, должен всех знать. Может, из местных мачо кто-то мается в гордом и отвратительном одиночестве... Ты позвони ему, озадачь.

— Позвоню, — согласилась я, потому что идея была недурна. Организовав Дорониной курортный роман, мы бы выкроили больше времени на собственную личную жизнь.



Мы вернулись в свой королевский номер и, условившись встретиться в нашей морской гостиной через два часа, разошлись по своим комнатам, чтобы поработать, как велели нам Доронина и чувство долга.

«Думаете ли вы о сексе? И если да, то КАК вы о нем думаете?» — написала я и, отпустив компьютерную мышку, почесала в затылке.

Зачин речи выглядел неплохо, но подозрительно напоминал незабываемые тягостные раздумья Пятачка о том, любит ли Слонопотам поросят, и если да, то КАК он их любит.

Ладно, буду считать, что это не наглый плагиат, а уместное ситуативное сходство. Главное, чтобы Дора с этим согласилась и не снизила мой гонорар за то, что я тырю тексты из книжки про Винни-Пуха.

Хотя чем плох Винни-Пух? Бессмертная классика!

«Посещает ли вас тревожная мысль: «С сексом надо что-то делать...»? — написала я.

Дальше пошло легче и веселей:

«Прошу не путать вопросы: «Как заниматься сексом?» и «Что с ним, этим сексом, делать?».

Первому половозрелых особей учить не надо, хотя я лично с неподдельным интересом читаю занимательные статьи о тантрическом сексе, вос-



принимая их как волшебные сказки для взрослых. Нет, я верю, верю в восьмичасовые секс-марафоны Стинга и его жены ничуть не меньше, чем в светлое будущее!

Только не понимаю, каким чудесным образом могут найти время для затяжного сеанса тантрического секса те, кто каждый будний день проводит девять часов на работе, три часа в дороге, не менее получаса в магазине и как минимум столько же у кухонной плиты? А еще нужно помыть посуду, одежды всем членам семьи на завтра приготовить, загрузить и разгрузить стиралку, позвонить родителям, почитать книжку, подпилить ногти себе и надавать по лапам коту, раздирающему когтями диван, сделать маску для лица и уроки с ребенком...».

— Ты это о ком и для кого сейчас пишешь? — влез с критическим замечанием мой внутренний голос. — Напоминаю: среди клубных дам нет трудящихся в поте лица, они сплошь богатые бездельницы, страдающие от скуки.

Я снова почесала в затылке, подумала немного и переписала абзац:

«Я только не понимаю, каким чудесным образом могут найти время для затяжного сеанса тантрического секса те, кто каждый будний день проводит четыре часа на фитнесе, три у косме-



толога, два у парикмахера и с трудом выкраивает час на посиделки с подружками за смузи с безглютеновым десертом?»

Внутренний критик покривился, но промолчал, и я пошла дальше:

«У среднестатистической работающей женщины миллион дел, а не алых роз!»

Критик кашлянул. Я вздохнула и поправила фразу:

«У каждой нормальной женщины миллион дел, а не алых роз! Розы оптом многие из нас получают только посмертно. Но не будем о грустном. Утешим себя тем, что мужчинам тоже нелегко живется, однако они крайне редко отказываются от вечернего сеанса любовных игр по причине головной боли.

Вот интересно почему? Может, у мужчин головы как-то иначе устроены?

Впрочем, это риторический вопрос. Нас интересует другой — вполне конкретный и жизненный: как на закате долгого многотрудного дня прийти к вечернему сексу в подходящем расположении духа и тела и получить в итоге хороший результат?»

— Не вполне понимаю, почему речь исключительно о вечернем сексе, — снова подал голос мой внутренний критик.



— Просто потому, что заседание клуба, на котором Дора будет произносить эту речь, пройдет в конце дня, — объяснила я.

— Ладно, тогда продолжай.

Но я уже иссякла — вдохновение улетучилось. Я прислушалась, надеясь, что капризная муза мне еще что-нибудь нашепчет, но уловила только приглушенный шум в коридоре. Пока я строчила текст Дориной речи, под дверью вздыхал, шуршал и скребся Караваев.

— Лю-уся, Люсь-люсь-люсь! — призывно по-свистывал он. — Ты почему от меня заперлась? Ты что там делаешь?

— Заперлась, чтобы ты не мешал. Я работаю.

— Сейчас? Летом, у моря, в знойный полдень, так располагающий к сиесте с холодной сангрией и спелыми персиками?

За дверью что-то с намеком звякнуло и булькнуло.

— Ты демон-искуситель, — буркнула я, не отрывая пальцы от клавиатуры. — Изыди! Я сочиняю Доре речь про секс.

— Из головы? А если с натуры? Будет живее, красочнее, убедительнее! — страстно зашептал демон.

— За красочность у нас Петрик отвечает, к нему постучись, — сердясь, съязвила я.



Сангрии с персиками захотелось ужасно.

— К Петрику уже Покровский постучался, они там вместе работают. Не хочу даже думать, над чем и как.

— Предполагалось, что над эскизами. — Я вздохнула, закрыла макбук и пошла открывать дверь Караваеву, сангрии и персикам.

Где-то через час мне позвонила Доронина. К этому моменту персики мы с Караваевым съели, сангрию выпили, другими приятными занятиями тоже не пренебрегли, так что Дора, можно сказать, удачно попала, ничему не помешав.

— Люся!

— Да-а-а? — томно откликнулась я.

— А где мои рыбы?

Я нахмурилась, не уловив суть вопроса, и попыталась уточнить:

— Твои рыбоньки? То есть мы с Петриком? А мы...

— Вы в бездне разврата, это понятно, — перебила меня Доронина. — Я спрашиваю, где мои рыбы? Те, из аквариума, которые часть нашего плана Б?

— В смысле? — Я села в постели. — Я же видела их, когда мы приходили к тебе с докладом...



— Так приди и посмотри еще раз! — Дора бросила трубку.

— М-м-м-м? — вопросительно промычал задремавший Караваев, когда я перелезла через него, как через бруствер окопа, и стала торопливо одеваться, точно солдат по тревоге.

— Аврал! — ответила я коротко и вылетела из комнаты.

Петрик, свежий, как майская роза, поливал в гостиной горшечные растения. Я выхватила у него лейку, поставила ее на подоконник и потянула друга за собой.

— Куда? Я в домашних тапочках! — испугался эстет.

— А будешь в белых, если не поторопишься! — Я упорно тащила его на выход.

— Меня кто-то убьет? — заинтересовался он. Все-таки наш дарлинг немножечко мазохист.

— Нас обоих убьют! Дора!

— За что? Что мы сделали?

— Без понятия!

— А бежим куда?

— К большому аквариуму!

— Топиться?

Это предположение было столь неожиданным, что я притормозила:

— С чего бы?



— Ну, чтобы Доре не пришлось нас убивать? Мы, типа, сами...

— Это история с утопленницей Афанасьевой на тебя такое неизгладимое впечатление произвела?¹ Бедный Петрик, — посочувствовала я. — Забудь ты уже то дело, у нас, похоже, новое завелось.

— Какое же?

За разговором мы и не заметили, как добежали до обиталища Доры. В холле я развернула друга в нужном направлении и ответила на его вопрос:

— Дело об исчезновении рыбок из аквариума!

— Не из аквариума, а вместе с ним, — заспорил Петрик, оценив открывшийся ему вид. — Хм, а я и не знал, что аквариум загорался собой еще один дверной проем. Это было совершенно незаметно.

— Потому что он очень точно вписывался в размеры проема. — Я подошла к стене, в которой теперь зияло аккуратное сквозное отверстие — прямоугольник примерно полтора на два метра. В самом проеме осталась стоять только выкрашенная в цвет стены тумба, прежде выполнявшая роль подставки. — Совсем как в детской

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Семь футов под килькой».



развивающей игрушке — знаешь, такой кубик с дырками разной формы, куда надо засовывать конфигуративно подходящие детали...

— Как сексуально, — пробормотал Петрик и заглянул в проем, а потом и перелез через тумбу. — Тут какое-то подсобное помещение. Гараж, что ли? Пахнет машинным маслом, бензином, резиной, и что-то мне подсказывает, это не экстравагантный парфюм Comme des Garçons Olfactory Library шестой серии Synthetic Garage...

— А? — слабо отреагировала я на эту абра-кадабру.

— Иди сюда, моя бусинка! Тут есть следы преступления!

— Это следы какого-то транспорта, — возразила я, вслед за другом проникнув предположительно в гараж.

От стены, в которую еще недавно был аккуратно встроен большой аквариум, к распахнутым настежь металлическим воротам тянулись две прерывистые параллельные линии. Темные — влажные, но быстро исчезающие.

— Смотри скорее, пока они не высохли! — Петрик поддернул льняные брючки и присел на корточки. — По-моему, это следы колес.

— Или гусениц.

— Тут был танк?!



— По-твоему, гусеницы бывают только у танков? Еще у разной строительной техники. Но да, ты, кажется, прав, это следы колес. Небольших и широких...

— Милый! — Пока я всматривалась в следы не то колес, не то гусениц, Петрик прилепил к уху мобильный и заворковал в него. — Спроси, пожалуйста, своего знакомого, хозяина нашего прелестного отеля, куда подевался чудесный аквариум с рыбками, стоявший в холле.

Слово «милый» и упоминание дружбы с отелем позволили мне понять, что Петрик позвонил Покровскому, однако голоса последнего я не слышала и вынуждена была догадываться о смысле разговора по репликам друга.

— Что? Нет, я не хочу рыбы. Ни жареной, ни какой-то еще. Я не голоден. И... Да зачем в океанариум? Меня интересуют исключительно те рыбы, которые плавали в холле, у нас были на них большие планы... Да какая рыбалка?! Короче, поговори с отелем, а потом перезвони мне. — Дружище оборвал связь, сунул мобильный в карман и картинно закатил глаза. — Мужчины! Как же с ними трудно разговаривать!

— За мной! — Я направилась к воротам. — Поищем тот транспорт.



— Зачем? Ты думаешь, это он увез аквариум? — Петрик догнал меня и зашагал рядом. — А почему ты так решила?

— Колеса у него были мокрые. А аквариум — с водой. Угадывается какая-то связь, не находишь?

Мы вышли во двор, где никогда ранее не бывали.

— Что это за место? — Петрик огляделся и не выразил восторга.

С трех сторон серую бетонную площадку ограничивали глухие стены, с четвертой — рослые кусты полыни. В одном месте травяные заросли были проломлены, в проем открывался вид на мусорные баки.

— Хоздвор, наверное, — предположила я и направилась к бакам.

— Фу, куда ты, идем отсюда! — Нежный Петрик зажал нос.

От баков — и впрямь неприятно ароматных — через подворотню за территорию гостиничного комплекса тянулась асфальтированная дорога.

— Тот транспорт на мокрых колесах уехал туда. — Я указала на подворотню.

— Здесь нет никаких влажных следов, а в гараже они были! — заспорил Петрик.



— В гараже тень, а тут солнце шпарит, следы быстро высохли. — Я огляделась в поисках возможных свидетелей.

Спящего под стеной кота я забраковала сразу, толстую тетку в халате, который с большой натяжкой можно было назвать белым, — после недолгого раздумья. Тетка с кем-то ругалась по мобильному, да так самозабвенно, что ничего вокруг не видела. Бродячая собака торопливо грызла угол ее пластиковой сумки-пакета, а тетка даже не замечала разбоя.

Я прошла в подворотню, выглянула из нее на глухую пыльную улочку. Увидела деда в ситцевых трусах и резиновых тапках — он сидел под чахлым деревцем на перевернутом ящике, разгадывал кроссворд в журнале и чадил цигаркой.

— Бог в помощь! — вынырнув из-за моей спины, сказал ему Петрик. — Извините, не подскажете, мимо вас тут машинка недавно не проезжала? Отсюда? — Дружище махнул на подворотню.

— Автопогрузчик?

Мы с Петриком переглянулись и закивали:

— Да, да!

Автопогрузчик вполне логично сочетался с аквариумом. Самая подходящая техника, что-



бы аккуратно взять огромный стеклянный сосуд и куда-то переместить его.

— Вы его видели? Погрузчик? Он вез большой аквариум? — Петрик поступил неправильно, начав подсказывать свидетелю ответы.

— Какой аквариум? Коробку.

— Какую коробку?

— Здоровенную, картонную. — Дед без помощи рук, занятых журналом и карандашом, перебросил сигарку из одного угла рта в другой. — На ней было написано... Тьфу ты, а что там было написано? — Он скосил глаза, припоминая, и пугающе забормотал белиберду: — Снуррбрум... Сморгритт... Гумсбрандт?

— Это что, заклинание какое-то? — опасливо спросил Петрик.

— Нет, какое-то корявое слово из лексикона пьяных викингов, — услышав его, со смешком ответил эрудированный дед.

— А, название товара из ИКЕА? — догадалась я.

Петрик достал смартфон, погуглил и через минуту доложил:

— «Грумсмарк» — матрас с пружинным блоком, метр восемьдесят на два, ширина сорок сэмэ, продается в коробке.

— Картонку от матраса могли нахлобучить сверху на аквариум, габариты у него почти те



же, — догадалась я. — Толково! Одно дело — аквариум с рыбками по улицам везти, и совсем другое — никому не интересную скучную коробку.

— В какую сторону уехал автопогрузчик? — спросила я деда.

— Не обратил внимания.

— Видно, и в самом деле он был скучный и неинтересный, — вздохнул Петрик.

Я приставила ладошку козырьком ко лбу, посмотрела сначала в один конец пыльной пустой дороги, потом в другой и подумала вслух:

— Интересно, какую скорость развивает автопогрузчик?

— Погуглить? — услужливо предложил Петрик.

— Не надо. Мы же не знаем направление его движения.

— Тогда определимся со своим! Направлением, я имею в виду. — Дружище все-таки достал смартфон и открыл гугл-карты. — Сейчас мы здесь. А хотелось бы оказаться во-он там...

— На берегу моря?

— Угу. Айда на пляж?

— Но мы же еще не нашли пропавших рыбок, — засомневалась я.

— Так мы и не Холмс с Ватсоном, чтобы моментально преступления раскрывать! Для начала



уже кое-что узнали, остальное постепенно проясним потом. — Мягко воркуя, Петрик увлек меня в выбранном направлении.

Я не сопротивлялась. В конце концов, давно известно, что солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья, а друзьям, тем более лучшим, необходимо уделять повышенное внимание.

Однако до моря мы с моим лучшим другом не дошли. На пыльной улочке, образованной рядами двухэтажных гаражей, переделанных под коттеджики, Петрик внезапно взвизгнул и завертелся на месте, бешено размахивая руками.

Я подумала, что на него напала оса, привлеченная сладким ароматом фруктово-ягодного парфюма, и поспешила зафиксировать визжащего дарлингга:

— Стой, не двигайся! Она сама улетит.

Но Петрик не послушался и энергично стряхнул на землю упавший на него сверху тлеющий окурок.

Раздавлив его тапком, как змею, дружище поднял голову и клокочущим от злости голосом поинтересовался:

— И какой же это...

Ругательное слово он произнести не успел, потому что сверху донесся радостный мужской голос:



— О! Какие люди!

Продолжения не последовало. Обескураженный Петрик вопросительно посмотрел на меня.

— Мне это напоминает старый анекдот, — доверительно поделилась я. — Падают с крыши два кирпича, один спрашивает: «И куда летим?» — «Да без разницы, — отвечает второй. — Был бы человек хороший!»

Железная лестница, ведущая на балкон второго этажа, затряслась, со стены пудрой посыпалась известковая пыль.

— Не наш случай, — буркнул Петрик, увидев человека, торопливо спустившегося к нам.

Хорошим и я бы его не назвала. Вот добрым — да. Но исключительно в том смысле, который вкладывают в это слово деликатные люди, не желающие прямо говорить «толстый».

Вадим Бабаев по прозвищу Бабай, наш с Петриком бывший коллега по работе в безвременно почившей городской газете, за те два года, что мы не виделись, раздобрел до размеров молодого бегемота. Сходство усиливала коричневая от загара и лоснящаяся от пота кожа, явленная нашим взорам в избыточном количестве: одет Бабай был минималистично — в одни короткие пляжные шорты расцветки «Пожар в джунглях».



— Карамзин! — ускоренно спустившись с лестницы, которая продолжила растревоженно вибрировать, и выбивая пыль из стены, вскричал Бабай с преувеличенной радостью. — И с ним Суворова! Хо, на ловца и зверь бежит!

Он пошел на нас с широко раскинутыми руками, но Петрик попятился и потянул за собой меня. Влипать в объятия голого потного ловца ни ему, ни мне не хотелось. Тем более что и ловец был не из тех, кем мы могли бы плениться.

Когда мы трудились в газете, Вадим Бабаев был заместителем главного редактора по коммерческой части и до рядовых тружеников вроде нас с Петриком не снисходил. Потом, когда наш медиахолдинг приказал долго жить и собственник отправился горевать по этому поводу на ПМЖ в Испанию, а сотрудники разбежались кто куда в поисках новой работы, ушлый Бабаев пристроился в пресс-службу администрации края.

— Вадик, а ты разве не чиновник? — Петрик выразительно оглядел скудный наряд Бабая, прозрачно намекая на несоответствие экипировки статусу.

— Я в отпуске, — отмахнулся Бабаев. — Однако при исполнении!

Он сделал таинственное лицо и поманил нас толстым пальцем, отступая под лестницу.



Заинтригованные, мы с Петриком подошли ближе.

— Тугрики нужны? — понизив голос, спросил экс-коллега тоном советского спекулянта времен тотального дефицита.

Предположить, что спятивший от жары Бабай предлагает нам купить из-под полы национальную валюту Монголии, мне помешало отсутствие у него этой самой полы.

— Ну, деньги? — пояснил он свой вопрос, досадливо цыкнув.

— Кому же они не нужны, — ответила я уклончиво.

— Тогда ликуйте, я беру вас. Мне писарчук во как нужен! — Бабай провел толстым пальцем по горлу, умудрившись попасть точно между складками подбородков. — Позарез!

— Писарчук? — повторил Петрик, продолжая удерживать гримасу слегка брезгливого недоумения.

— Ну, копирайтер! — Бабай шумно выдохнул и помотал головой, тряся брылями, как бульдог. — От местных никакого толку, что ни напишут — лубок, берестяная грамотка, стиль посконный, слог сермяжный. А ты ж, Суворова, помню, мастер слова!

— Ты мне работу предлагаешь? — дошло до меня. — Но я...